

В. И. КОВАЛЬ

«КИТАЙСКО-РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ» 1905 ГОДА: ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ПРИМИРЕНИЮ

В статье рассматривается содержание «Китайско-русского календаря» 1905 года с точки зрения отражения в нем традиций лунных календарей в сочетании с российским официальным календарем того времени. Обращается внимание на наличие в этом календаре сведений о традиционной китайской культуре, способствующих взаимопониманию граждан России и Китая.

Ключевые слова: «Китайско-русский календарь», лунный календарь, российский календарь, традиционные китайские праздники, народные верования, дракон, конфронтация, взаимодействие культур.

V.I. KOVAL

THE "SINO-RUSSIAN CALENDAR" OF 1905: FROM THE CONFRONTATION TOWARDS RECONCILIATION

The article examines the content of the «Chinese-Russian calendar» of 1905 from the point of view of reflecting the traditions of the lunar calendar in combination with the Russian official calendar of that time. Attention is drawn to the presence in this calendar of information about traditional Chinese culture, contributing to mutual understanding between the citizens of Russia and China.

Key words: «Chinese-Russian calendar», lunar calendar, Russian calendar, traditional Chinese holidays, folk beliefs, dragon, confrontation, interaction of cultures.

Китайские календари имеют многовековую и чрезвычайно богатую историю. Согласно легенде первый календарь был учрежден в годы правления императора Хуан-ди 黄帝 (2711–2597 гг. до н.э.), о чем сообщает в своих «Исторических записках» Сыма Цянь: «Хуан-ди установил календарь для всеобщего использования, положил начало циклам убывания и роста, установил вставные месяцы и високосные годы, чтобы во всей стране был порядок и не было хаоса» [1, с. 225]. В традиционном Китае «официальный календарь считался одним из самых важных атрибутов власти правителя, и точность календарных счислений служила показателем его престижа как «сына неба», осуществляющего в соответствии с «небесным мандатом» мироустроительную деятельность» [5, с. 147]. В основу наиболее древнего китайского сельскохозяйственного (лунного) календаря *нунли* 农历 (рис. 1) положены наблюдения за небесными телами и природой, позволявшие соотнести фазы луны с разными земными циклами, что имело очевидное практическое значение: «Ежегодники дополнялись полезной информацией на каждый день, в них отмечались счастливые/несчастливые дни (для совершения поездок, свадеб, похорон, начала строительства, работ и других случаев), толкования снов, советы по геомантии и т. д.» [7, с. 207].

Со времен эпохи Шан-Инь (1554–1046 гг. до н.э.) в Китае получили распространение лунно-солнечные календари *иньянли* 阴阳历: «В статусе сол-

нечного календаря основой является один оборот Земли вокруг Солнца; в статусе же лунного учитывается оборот Луны вокруг Земли, от одного новолуния до другого» [1, с. 226]. На протяжении почти двух тысяч лет – с 221 г. до н.э (династия Цинь) по 1645 г. (династия Цин) – в Китае было опубликовано двадцать главных календарей, соотносившихся с периодами правления различных императоров [5, с. 149].

Рис. 1 – Традиционный китайский лунно-солнечный календарь *нун-ли*

Рис. 2 – «Китайско-английский календарь» 1903 г. [7, с. 222]

Среди китайских настенных календарей нового времени обращают на себя внимание относящиеся к концу XIX – началу XX вв. «китайско-английские календари», содержание и оформление которых, как следует из их подробного описания в статье Е. А. Завидовской и Д. И. Маяцкого ([7, с. 210–212]), никак не соотносятся с английским языком и западной культурой. Так, один из этих календарей (рис. 2), представляющий собой написанные по-китайски астрономические и фенологические сведения и рекомендации, богато украшен картинками (в том числе – изображением в центре богов согласия, мира и гармонии братьев-близнецов Хэ-хэ), отражающими традиционную китайскую культуру.

Объект нашего исследования – «Китайско-русский календарь» 1905 года, характерной особенностью которого (как в формальном, так и в содержательном отношении) является, с одной стороны, органичное совмещение китайского лунно-солнечного и официального российского (юлианского) календарей, а с другой – широкая представленность сведений из сферы традиционной китайской культуры: предназначенные для восприятия русскоговорящих и потому написанные в русской транслитерации календарные китайские термины, названия календарных праздников, описания обрядов, ритуалов и др. (рис. 3).

Рис. 3 – «Китайско-русский календарь» 1905 г.

Как место, так и время издания рассматриваемого календаря весьма необычны. В верхней его части (над собственно календарем) указывается место его публикации («Издание штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи»), а в нижней части календаря содержатся сведения о его авторах: «Составители: Заамурского округа штабс-ротмистр Титов и драгоман Лу Дахо». Устаревшее слово *драгоман* ранее употреблялось в русском языке для обозначения важной и ответственной должности переводчика-посредника в общении с представителями восточных народов; сравн.: *драгоман* 'переводчик восточных языков при послах, консулах и пр.' [4, с. 489].

Отдельный корпус пограничной стражи (ОКПС) был учрежден в мае 1897 года для охраны Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), большая часть которой проходила от Читы до Владивостока через Маньчжурию – территорию тогдашней Цинской империи. Главная задача военнослужащих ОКПС – вольнонаемных рядовых и офицеров – состояла прежде всего в защите имеющей стратегическое значение КВЖД, протяженность которой составляла 2450 километров, и связанной с ней инфраструктуры от бандитских отрядов хунхузов, враждебно относившихся к иностранцам вообще и к российским военным в частности. В боестолкновениях с хунхузами десятки российских военнослужащих ОКПС были убиты и ранены [9, с. 77].

Кроме того, немало проблем для пограничников создавало и гражданское население, которое «не желало уступать своих земель под строительство железной дороги. В условиях перенаселенности этот вопрос особенно остро встал в Южной Маньчжурии. Отчуждение земель для КВЖД обездолило тысячи семейств. Как следствие, помимо стычек с хунхузами Охранной страже приходилось применять оружие в случаях сопротивления китайцев и попытках их насилия над железнодорожными служащими» [3, с. 60]. Важно также учитывать и негативный исторический опыт, связанный с событиями начала XX века, оказавшими немалое влияние на восприятие китайцами российских военных и гражданских лиц, принимавших участие в строительстве и охране КВЖД: «Для китайцев важным фактором формирования образа России и отношения к русским стали события 1900–1901 гг., когда Российская империя участвовала в подавлении боксерского (ихэтуаньского) восстания на северо-востоке Китая» [13, с. 267].

Огромное эмоциональное воздействие на китайское население приграничья оказали последствия трагических событий в Благовещенске летом 1900 года, когда живущие в этом городе мирные китайцы в ответ на обстрелы Благовещенска с китайской стороны были насильно принуждены местными властями к переправе через Амур, в результате чего, по оценкам историков, утонуло более трех тысяч китайцев. Эти события и в современном Китае оцениваются как «величайшая трагедия» и «величайшая резня», во время которой «кровь окрасила берега Амура в красный цвет» и «тысячи мирных жителей были уничтожены» [14, с. 62].

Роль ОКПС значительно возросла во время русско-японской войны 1904–1905 гг., когда нападения на КВЖД регулярно осуществляли не только хунхузы, но и японские диверсанты. Противодействовать этой опасности русским военным помогали местные китайцы: «Огромную роль в охране железной дороги сыграла разведка. Широко развернутая сеть агентуры давала возможность получать достоверные сведения о хунхузах и позволяла более рационально распоряжаться имевшимися силами и средствами. Благодаря этому подразделения Заамурского округа заблаговременно знали о появлении врага и пресекали попытки японцев выйти к КВЖД для совершения диверсий» [3, с. 66]. Понятно поэтому, что «даже незначительная помощь со стороны местного населения очень тепло воспринималась в рядах русских военных» [13, с. 269].

Из сказанного становится очевидным, насколько важным было для российских пограничников, проходивших службу на северо-востоке Китая, поддержание взаимоуважительных, доверительных отношений с местным населением. Несмотря на отдельные случаи проявления враждебности к пограничникам ОКПС, в целом китайское население относилось к русским весьма доброжелательно. Эти непростые межнациональные отношения осложнялись явно недостаточным уровнем владения российскими пограничниками китайским языком и неглубоким знанием ими традиционной культуры Китая: «С одной стороны, китайцы нередко очень тепло встречали русских военных:

впускали в деревню, кормили, помогали в осуществлении разведывательной деятельности, но, с другой стороны, между китайцами и русскими возникал языковой и культурный барьер, который мешал им эффективно взаимодействовать друг с другом» [13, с. 270–271].

В описанной ситуации, как нам представляется, составление и издание Отдельным корпусом пограничной стражи именно в 1905 году «Китайско-русского календаря» служило не только сугубо практической цели, но и в определенной мере восполняло недостаточную осведомленность российских пограничников в области китайской культуры, что, в свою очередь, способствовало укреплению взаимопонимания пограничных стражников с местным населением.

Остановимся на описании «сильной позиции» этого календаря как текста – его начала, то есть картинок и текста, расположенных в его верхней части. Обратим внимание прежде всего на изображения двух драконов по обе стороны названия календаря. Нет сомнения в том, что драконы в данном случае являются официальными символами империи Цин, поскольку утвержденный в 1899 году Цинский государственный флаг представлял собой полотнище желтого цвета, на котором был изображен четырехлапый лазурный (сине-зеленый) дракон с разинутой пастью, стремящийся овладеть ярко-красной жемчужиной в верхнем левом углу. Лазурный дракон с пятью когтями на лапах со времен династии Хань (206 г. до н.э.–220 г. н.э.) считался не только символом императора, но и воплощением творческого, созидательного начала в человеке. Общеизвестно также, что дракон (*лун* 龍) в традиционной китайской культуре наделяется исключительно положительными характеристиками, а «его появление рассматривается как благоприятный знак» [11, с. 207].

Очевидно, что российские пограничники весьма негативно относились к изображению драконов на данном календаре, поскольку воспринимали этих мифологических персонажей «сквозь призму» демонической природы фольклорных образов змеев в русской культуре. Характерно, что именно дракон был одним из элементов обмундирования российских пограничников, служивших в ОКПС: «Стражники носили черные тужурки и синие шаровары кавалерийского покроя с желтым кантом. Желтые петлицы, пуговицы и кокарды на головных уборах имели изображение дракона» [10, с. 91] (рис. 4, 5). Показательно в связи с этим следующее свидетельство: «В форменной одежде стражников присутствовал желтый цвет, намекающий на место службы. Желтыми были канты, выпушки, петлицы нижних чинов, суконные верхи черных казачьих папах и тульи фуражек. <...> Кокарды, петлицы и знамена стражи украшало изображение желтого китайского дракона, сразу же принятое в штывы казаками. Неприязнь станичников к «басурманскому змею» была столь велика, что форменные папахи они носили исключительно кокардами назад» [6].

Рис. 4 – Изображение дракона на кокарде ОКПС

Рис. 5 – Изображение дракона на пуговице ОКПС

Между изображениями двух драконов в верхней части календаря приведен следующий текст: **КИТАЙСКО-РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ НА 31-й ГОД ГУАН-СЮЙ (1905 ГОД). Год «Змеи», «7 драконов дают дождь», «4 быка пашут землю», «Босой пахарь надевает черный халат, белый пояс и делает двойную прическу».**

Словосочетание *31-й год Гуан-суй* указывает на то, что календарь относится к 31-му году правления цинского императора Айсиньгьоро Цзайтяня (Гуансюя), осуществлявшегося под девизом «гуан-суй» (光緒 – «Славная преемственность»). Имя Гуансюя, предпоследнего китайского императора (годы правления – 1875–1908), неразрывно связано с его попытками проведения прогрессивных реформ, имевших целью, несмотря на противодействие вдовствующей императрицы Цыси, превращение феодального Китая в конституционно-монархическую страну по образцу современных ему западных стран и Японии. Можно при этом предположить, что опубликование «Китайско-русского календаря» на 1905 год рассматривалось его составителями как проявление сближения китайской и российской (для Китая – западной) культур.

Следующие далее выражения – Год «Змеи», «7 драконов дают дождь», «4 быка пашут землю» – могут быть интерпретированы как традиционные для китайской культуры предсказания к предстоящему году. Так, 1905 год связывался с довольно благоприятным зодиакальным знаком Змеи, находящейся под властью стихии дерева, а также с планетой Юпитер, которые, в свою очередь, ассоциируются с возрождением, обновлением, удачей, богатством и успехом в всех начинаниях. Что касается двух следующих выражений – «7 драконов дают дождь», «4 быка пашут землю», то они связаны с видами на урожай в наступающем году. Комментируя аналогичные фразы, представленные в китайском календаре на 1929 год, Е.А. Завидовская и Д. И. Маяцкий отмечают: «Так как драконов и быков всего по 12, дождей ожидалось больше среднего, урожай – небогатым» [7, с. 208].

Отдельного комментария заслуживает загадочное, на первый взгляд, предложение «Босой пахарь надевает черный халат, белый пояс и делает двойную прическу». Речь в данном случае идет о древнем ритуале *гэн цзи* 耕

藉, заключавшемся в прокладывании императором, выступающим в роли крестьянина-пахаря, первой весенней борозды. Кроме императора, в ритуальной пахоте принимали участие высшие государственные чины и придворные. Этот ритуал, известный с эпохи Чжоу (XI–III вв. до н.э.), осмыслялся как «один из древнейших государственных ритуалов Китая, связанных с культом плодородия и сезонной обрядностью», и «исполнялся строго в первый день первого месяца весеннего сезона после жертвоприношений Небу и предкам» [8, с. 429–430]. В целом «ритуальная пахота предполагала зачатие весны, пробуждение природы и рождение новой жизни в масштабе всего мироздания» [2, с. 120].

В приведенном выше выражении важное значение имеют детали: босонозность «пахаря» подчеркивала его тесную связь, непосредственный контакт с землей, а черный халат (символ крестьянина) и характерная для мальчиков «двойная прическа» призваны были подчеркнуть близость императора к простым людям.

Основная информация «Китайско-русского календаря» 1905 года заключается в совмещении (буквально – в «наложении») сведений о Лунах и днях китайского календаря с месяцами и днями российского (православного) календаря. Своеобразной «точкой отсчета» в этом случае является китайский (лунный) календарь: каждая из Лун напрямую четко соотносится с конкретными числами и месяцами российского календаря (при этом дни китайского календаря обозначены черным, а дни российского календаря – красным цветом): 1-я Луна – с 22 января по 20 февраля, 2-я Луна – с 21 февраля по 22 марта, 3-я Луна – с 23 марта по 20 апреля, 4-я Луна – с 21 апреля по 20 мая, 5-я Луна – с 21 мая по 19 июня, 6-я Луна – с 20 июня по 18 июля, 7-я Луна – с 19 июля по 16 августа, 8-я Луна – с 17 августа по 15 сентября, 9-я Луна – с 16 сентября по 14 октября, 10-я Луна – с 15 октября по 13 ноября, 11-я Луна – с 14 ноября по 12 декабря, 12-я Луна – с 13 декабря по 11 января.

Кроме того, в нижней части колонки, относящейся к той или иной Луне / месяцу, приводятся названия основных календарных китайских праздников – как по-китайски (в русской транслитерации), так и по-русски. Например, в колонке «2-я Луна» приведены следующие сведения: «2-го числа праздник Лун тай тоу (*Дракон поднимает голову*)». Сравн. также: 3-я Луна – «1-го числа праздник Цин-мин (*Поминовение предков*)»; 4-я Луна – «28-го праздник Нянь-нянь мао» (*Праздник жесени*); 5-я Луна – «5-го числа праздник Дуань-у (*Двойная пятёрка*)»; 6-я Луна – «6-го числа праздник Люю э лю (*Летний праздник*)»; 7-я Луна – «7-го числа праздник Нью-лан чжи-ню» (*Свидание с женой*) и др.

Очевидно, что подобное расположение сведений, ориентированное на российских военнослужащих, позволяло им не только безошибочно определить ту или иную дату «в привязке» к китайскому или российскому календарям, но и узнать хотя бы самые общие сведения о традиционных китайских праздниках. Например, с помощью этого календаря российский военнослужащий ОКПС мог легко узнать, что вторник, 22-го февраля 1905 года в рус-

ском календаре соответствует второму дню второй Луны в китайском календаре, а также учесть, что в этот день китайцы отмечают большой праздник – *Лун тай тоу* 龙抬头 (Дракон поднимает голову), который символизирует начало весеннего сезона дождей. Согласно китайским верованиям, в этот день Небесный дракон – повелитель дождей – просыпается от зимней спячки. «Считалось, что, если Небесный дракон просыпается в хорошем настроении, значит он дарует людям обильные дожди, а те, в свою очередь, принесут богатый урожай и следующий год будет спокойным и сытным. А если дракон будет в плохом настроении, то дождей людям не видать, посевы погибнут, а в стране начнётся голод» [12].

Не менее полезная информация, рассчитанная на российских граждан, находящихся в инокультурном окружении, приведена в правой части календаря – в вертикальной колонке, имеющей название «Примечания». Вначале сообщаются сведения общего характера: «Обыкновенно 1-е и 15-е числа каждого месяца считаются праздниками, и в эти дни молятся перед домашними алтарями, но работы не прекращают». Далее речь идет о внутренней структуре китайского календаря: «Китайцы, кроме того, делят год на 4 части: весну, лето, осень и зиму, каждое время года делится на 6 частей, и это деление служит главным руководством для распорядка жизни китайского земледельца». Познавательны и собственно китайские названия отдельных периодов лунного календаря, начинающиеся «с 1-го числа 1-й луны через 15 дней» и свидетельствующие о наблюдательности китайцев, их бережном и внимательном отношении к окружающей природе. Каждое из таких названий сопровождается переводом на русский язык: 1. *Ли-чунь* (Начало весны); 2. *Юй-шуй* (Дождевая вода); 3. *Цзинчжэ* (Пробуждение насекомых); 4. *Чунь-фэн* (Весеннее равноденствие); 5. *Цин-мин* (Чистота и ясность); 6. *Гу-юй* (Дожди для злаков); 7. *Ли-ся* (Начало лета); 8. *Сяо-мань* (Малое насыщение); 9. *Ман-чжун* (Колошение хлебов); 10. *Ся-чжи* (Летнее солнцестояние, макушка лета); 11. *Сяо-шу* (Малая жара); 12. *Да-шу* (Большая жара); 13. *Ли-цю* (Начало осени); 14. *Чу-шу* (Прекращение жары); 15. *Бай-лу* (Белые росы); 16. *Цю-фэн* (Осеннее равноденствие); 17. *Хань-лу* (Холодные росы); 18. *Шуан-цзян* (Выпадение инея); 19. *Ли-дун* (Начало зимы); 20. *Сяо-сюэ* (Малые снега); 21. *Да-сюэ* (Большие снега); 22. *Дун-чжи* (Зимнее солнцестояние; макушка зимы); 23. *Сяо-хань* (Малые холода); 24. *Да-хань* (Большие холода).

Таким образом, рассмотренный «Китайско-русский календарь» 1905 года, составленный штабс-ротмистром Титовым и переводчиком Лу Дахо и опубликованный штабом Заамурского округа, имел не только чисто практическое применение, но и выполнял роль своевременного, продуманного и, выражаясь современным языком, креативного издания, служившего налаживанию и упрочению межкультурных связей, и примирению в отношениях российских военнослужащих с местным китайским населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев, Н. Ю. О шести древних китайских календарях / Н. Ю. Агеев // Общество и государство в Китае : журнал. – ИВ РАН, 2012. – Т. 43, № 3. – С. 225–237.

2. *Белая, И. В.* Личность императора как воплощение космического порядка в официальной идеологии и даосской традиции / И. В. Белая // Научные ведомости. – 2009. – № 10 (65). – С. 118–124.
3. *Вишняков, О. В.* Российские пограничники в вооруженных конфликтах на Дальнем Востоке (конец XIX–начало XX вв.) / О.В. Вишняков // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 57–70.
4. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1: А–З. – М.: Рус. яз., 1978. – 699 с.
5. *Еремеев, В. Е.* Календарь / В. Е. Еремеев // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т.; Ин-т Дальнего Востока РАН [Т. 5:] Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / ред. М. Л. Титаренко и др. – М. : Вост, лит., 2009. – С. 147–153.
6. *Ершов, Д. В.* Хунхузы. Необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] / Д. В. Ершов. – М.: Центрполиграф, 2010. – 255 с. – Режим доступа: https://vk.com/wall-56611080_11282. – Дата доступа: 08.06.2024.
7. *Завидовская, Е. А.* Традиции, новшества и исторические события на китайских календарях начала XX века из российских собраний / Е. А. Завидовская, Д. И. Маяцкий // Восток (Oriens). – 2021. – № 4. – С. 204–224.
8. *Кравцова, М. Е.* Гэн цзи / М. Е. Кравцова // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко, Б. Л.Рифтин, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Д. Г. Главева, С. М. Аникеева. – М.: Вост. лит.: 2007. – С. 429–431.
9. *Краснов, П. Н.* Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 году / П. Н. Краснов. – СПб.: Издание газеты «Русское чтение», 1901. – 121 с.
10. *Орлов, Н. В.* Заамурцы. 1898–1917 гг.: ист. очерк в пяти частях / Н. В. Орлов // Россияне в Азии. – 1998. – № 5. – С. 85–105.
11. *Рифтин, Б. Л.* Лун / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л.Титаренко, Б. Л.Рифтин, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Д. Г. Главева, С. М. Аникеева. – М.: Вост. лит.: 2007. – С. 506–508.
12. *Фестиваль* Лунтайтоу в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blog.shensyao.com/festival-luntajtou-v-kitae/>. – Дата доступа: 13.09.2024.
13. *Шашкова, Ю. О.* Отношение китайцев к русской армии в период русско-японской войны 1904–1905 гг. глазами русских военных / Ю. О. Шашкова // Китай: история и современность : материалы VIII междунаро. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 7–8 окт. 2014 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 267–271.
14. *闫新。 义和团运动和八国联军侵华战争 (三) /新闫。 – 北京: 学苑音像出版社, 2004 年。 – 146 页。 = Янь, Синь. Боксерское восстание и война Альянса восьми наций против Китая (3) / Синь Янь. – Пекин: Аудиовизуальное издательство Сюэюань, 2004. – 146 с.*

Информация об авторе:

Коваль Владимир Иванович – профессор Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, доктор филологических наук, профессор; г. Гомель, Республика Беларусь.